

Юбилей

— Почему ТВ, а не театр или кино — это после ГИТИСа-то?

— Этот вопрос задают очень многие, и я честно всем отвечаю: не знаю. Я работал в Театре имени Пушкина. У меня были прекрасные премьерные роли. Я общался с Верой Алентовой, Николаем Крючковым, Глебом Панфиловым, снялся в шести фильмах — допустим, не очень высокохудожественных, но все-таки... Так вот, имея все это, я согласился на предложение Игоря Кириллова.

Ушел из театра, играя Роллера в «Разбойниках» Шиллера. Мне кричали: предатель, что ты делаешь? Не знаю, почему ушел. Из-за ста пятидесяти рублей, которые мне сразу предложили против восьмидесяти пяти? Или из-за жажды независимости, которую мог получить на ТВ?

— Вы ее получили?

— Я относительно независим в том, что делаю. Подневолен только в финансовом плане.

— Разорение вы переживали...

— ...дважды. Шоковое состояние. Конечно. А сегодняшняя история неизвестно чем закончится. Платежи прекращены с августа, группу сократили до минимума. Живем на деньги от творческих встреч, почти так же, как это было до «Утренней звезды». Отказался же я от этих «встреч» тогда... Во-первых, потому что просто не было времени, а вторых, просто надоело. Это кошмар — говорить двадцать лет одно и то же. Процесс идет независимо от тебя, по накатанной колее: одни и те же фразы, шуточки... А теперь снова пришлось... Просто для того, чтобы как-то поддержать «Юникс», хотя бы заплатить за телефон, за монтаж. Но... не надо о грустном.

— Тогда о другом, но тоже грустном. Участники «Утренней звезды» все замечательные, талантливые. А потом у кого-то голос пропадет, кто-то пойдет учиться на менеджера... Не обидно «растить гениев» — и в никуда?

— Я ни в коем случае не учитель, не какой-то там педагог. Воспитательской деятельностью никогда не занимался. Просто сделал передачу, какой в 90-м году не было. Радостную, яркую, без дурацкого сюсюканья. Да, сказочный, нереальный мир, но это игра. Я не думал, что в «Утреннюю звезду» будет играть вся страна. Невозможно проследить судьбу каждого ребенка. И вот тут есть определенная опасность. После «Звезды» дети ведь становятся героями города, может крыша поехать. У детей она вообще едет быстрее, чем у взрослых. Детский мир бывает очень жестоким. Могут напасть одноклассники: «Ах, она там на ТВ выступает!». Хотя многие дети действительно остаются в музыке.

— Как ваша аполитичность сочеталась с должностью худрука МТК?

— Меня политика вообще не касалась. Но для меня это было очень трудное время. Для этой должности я не очень подходил. Видите ли, прийти на канал с уже сложившимися традициями, своей командой, взаимоотношениями... А кроме того, я проработал на телевидении двадцать пять лет. И сказать человеку, с которым все эти годы общался: «Спасибо, дорогой, ты уволен», — просто не мог.

— О ТВ времен Сергея Лапина ходят кошмарные легенды. Как вы себя там чувствовали?

Популярный телевизионщик в свои пятьдесят волосы не подкрашивает

Дарья АКИМОВА

Говорят, человек должен пережить любовь, бедность и войну. Актер, журналист, продюсер, шоумен Юрий Николаев знаком и с первым, и со вторым, и с третьим. С женой Еленой вместе двадцать пять лет. Все деньги его «Юникса», читая — «Утренней звезды», Московский Городской Банк (который был наиболее симпатичен, помните рекламу?) в 1996 году унес с собой в могилу. К боевым действиям тоже склонность есть: управляет с ЯК-18Т. К тому же двадцать пять лет на ТВ — это исключительно для бойцов.

— Лапин — это человек, который меня спас. Поэтому никогда ни одного плохого слова я о нем не скажу. С Сергеем Георгиевичем мы встречались всего один раз, в 1978, в той ситуации, когда я был абсолютно не прав, и он имел полное право меня выгнать... (программа передач была тогда прочитана Ю. Н. в несколько нетрезвом состоя-

нии. — Д. А.). Однако же он меня оставил — человека, который так подвел Центральное телевидение... Да, отстранил меня от эфира. Но через полгода я был уже в работе. Я ему до сих пор благодарен. Когда его уволили, он был совершенно один, и вся пресса на него навалилась. Я позволил ему на дачу. Мы долго беседовали по телефону — и через трубку ощу-

щалось, как он рад этому звонку. А я радовался просто тому, что это была маленькая возможность ответить ему хоть чем-то.

— Вернемся в детство. Обычно в официальных биографиях значится: родился в такой-то семье, окончил такой-то институт. А что было между рождением и институтом?

— Отец военный, все детство переезжали с места на место. Бабушка тайком ото всех меня окрестила — как же, отец партийный! Никто об этом событии не узнал, даже я. Поэтому, когда вырос, пошел и окрестился сам. Мама ахнула и только тут обо всем рассказала. Так что я крещен дважды. Не знаю, хорошо ли это с церковной точки зрения.

Во всей родительской родословной нет ни одного человека, который был бы как-то связан с искусством, с живописью. А меня в тринадцать лет пригласили поучаствовать в небольшой телевизионной постановке, стал заниматься в драмкружке. И когда окончил математический класс одиннадцатилетки, решил: либо театральный институт, либо буду математиком. А экзамены в театральные вузы шли немного раньше. И я поступил.

Родители не слишком обрадовались, узнав о моем решении. Но не давили, и в итоге я оказался предоставлен самому себе.

— А в армии два года пахали?

— Год, поскольку имел высшее образование. Вообще армия — это особый разговор. Дело в том, что служил и... снимался в фильме «Большие перемены». Получилось так, что я был уже утвержден на главную роль. Либо прекращать съемки, либо... И меня призвали, но разрешили сниматься — через главнокомандующего Белорусского военного округа. И в итоге: утром на съемки — вечером на кухню, где на мне, естественно, отыгрывались. Сегодняшней дедовщины не было, но ребята не могли простить, что я все время «филонил». И если находилась работа похуже: выскрести котлы, чистить картошку, то... «пусть Николаев делает». И вот так я жил: премьеры, цветы, костюмчик — и казармы. Безумные контрасты.

— Можно ли сегодня достичь популярности «Утренней почты»?

— Думаю, нет. Сегодня слишком много каналов, музыкальных передач. Но мне приятно сознавать, что рейтинг «Утренней почты» после моего возвращения возрос. Хотя я там теперь только приглашенный актер.

А тогда... К нам ведь приходили сотни тысяч писем. Мешки стояли рядами. Каюсь, не все они были прочитаны. А ведь многие писали очень трогательные, глубоко личные вещи. Там и о любви кое-что было.

— А героини «Утренней звезды» в вас влюбляются?

— Ну... (скромно отводит глаза) Надеюсь, что да.

— Вы ощущаете себя на сколько лет?

— Ровно на свои пятьдесят. Нормально. Я волосы не подкрашиваю. И все мои морщины — мои.

— Вы достаточно открытый человек. Не приходилось жалеть о своей откровенности?

— Бывало. Но так уж у меня складывалась жизнь, что в ней было больше хорошего, чем плохого. Конечно, случается переживать, к тому же я достаточно самолюбив. Если происходит какой-то чересчур уж искренний разговор — буду себя «жевать» до четырех, до пяти утра.

— Не тяжело двадцать пять лет жить с одним человеком?

— Извините, если мне тяжело, а я все равно с этим человеком живу — значит жизнь прошла мимо. Если я двадцать пять лет работаю на ТВ и мне это не нравится, — значит опять-таки все было зря. О себе этого сказать не могу.

ДВАЖДЫ КРЕЩЕННЫЙ

